

Вместе с тем получение рабами права свободного управления пекулием влекло за собой необходимость рассмотрения в суде некоторых самостоятельных исков рабов. Раб не только, как и раньше, мог подать жалобу в суд на свободного гражданина, причинившего ему насилие в отсутствие господина¹⁵⁴, или вчинить иск о незаконном обращении в рабство и сокрытии завещания об его отпуске на свободу, но и вести некоторые самостоятельные имущественные процессы. Раб мог подать иск о принятом и сданном залоге, об уплате долгов и о других делах, касающихся управления пекулием. При этом раб имел возможность прибегать к защите юристов¹⁵⁵.

В этом аспекте очень интересно постановление Дигест с внесенной в него глоссемой о Спартаке: «Если раб, которым я владел, выдает себя за свободного человека, как это сделал Спартак (!), и готов подвергнуться судебному процессу, то он не считается находящимся во владении господина, противником которого (на суде) он готовится быть»¹⁵⁶.

Таким образом, ко времени кодификации римского права при Юстиниане изменения в экономическом положении рабов были уже столь значительными, что они подготовили и некоторые перемены в правовом положении рабов, например в отношении их участия в судопроизводстве. Однако изменения правовых норм происходили медленнее, чем эволюция в социально-экономических отношениях, и все еще отставали от требований жизни.

Довольно существенные изменения произошли к VI в. и в семейно-правовом положении рабов. Получение рабами права ведения хозяйства на пекулии способствовало установлению более прочной семьи раба. И действительно, источники VI в., в том числе и эпиграфические памятники, содержат многочисленные упоминания о семьях рабов¹⁵⁷. Законодательство Юстиниана о семейно-правовом положении рабов довольно противоречиво. С одной стороны, как мы видели, оно повторяет древние узаконения о том, что дети рабыни всегда считаются рабами, собственностью ее господина¹⁵⁸. Если рабыня находилась в коллективной собственности нескольких господ, то рожденные ею дети могли быть переданы разным господам и разлучены с матерью. Дети раба и свободной женщины сохраняли статус матери, т. е. оставались свободными. Дитя, зачатое в то время, когда мать его была еще свободной, хотя бы и рожденное уже в рабстве, должно считаться свободным¹⁵⁹.

К этим старым предписаниям сам Юстиниан в 536 г. в своей 22-й новелле добавил еще более суровые постановления, признававшие абсолютно невозможным законный брак между рабами и категорически запрещающие всякие неравные браки между свободным мужчиной и рабыней¹⁶⁰.

Одновременно в законодательство Юстиниана проникают некоторые новые более реалистические взгляды, считающие необходимым признать

¹⁵⁴ CJ, VIII, 5.1.

¹⁵⁵ Dig., XLVIII, 19.19.

¹⁵⁶ Dig., XLI, 2.3.10; см. И. С. Перетерский. Дигесты Юстиниана. . . , стр. 93—94. По его мнению, глоссема в текст внесена неизвестным копистом III—V вв.

¹⁵⁷ Дигесты упоминают о том, что имения передавались по завещанию вместе с жившими там семьями рабов, с их сыновьями и дочерьми (cum contubernalibus suis, et filiis et filiabus) (Dig., XXXIII, 7.20.1). Надписи, главным образом эпитафии, сообщают о семьях рабов (servi conjuges, conservi, contubernalis). Em. Costa. Corso di storia del diritto romano, t. I. Roma, 1901, p. 351. См. А. П. Каждан. О некоторых спорных вопросах. . . , стр. 85—86.

¹⁵⁸ CJ, III, 32.7; Dig., XLI, 1.66.

¹⁵⁹ CJ, IX, 47.14.

¹⁶⁰ Nov. Just., XXII, 9.10.